

Кэролин Стил Агоста (1958 -)

Стандартная виолончель

Джек наблюдал, как Валери собиралась в поездку: крупные тяжелые вещи она уложила в сумку из грубой шерсти, одежду -- в чехол вместе с виолончелью. В промежутки она рассовала кружевные трусики и носки, закрученные в комочки, блузки и свитера уложила вдоль грифа.

-- Позволь проводить тебя, -- попросил он.

-- Не стоит, я очень нервничаю.

Она напевала себе под нос Прилидию к Сюите №1 Баха. Невнятно, отрывисто, спокойно и глубоко -- всеми способами, которые она отработывала снова и снова в последний месяц.

-- У тебя все получится, -- сказал он. -- Ты находка для любой программы.

-- Точно. И остальные студенты смогут называть меня бабулей. -- Нахмурившись, Валери сунула свою аудиоаппаратуру в сумку с одеждой. Она вытянула ноги в сторону виолончели, и скромный шёлк платья цвета морской волны скользнул по её ногам, обнажив красивые с высоким подъёмом ступни.

-- Кроме того, -- добавила она, -- я хочу положить Nopalong на переднее сиденье.

Она нежно провела рукой по изгибам виолончели, которая лежала поперёк их кровати в раскрытом чехле. Красная вельветовая обивка резко контрастировала с белым покрывалом, сама виолончель блестела тёмно-коричневым отливом. Вот уже целый год Джек делил свой дом с этим существом из дерева и с Валери, женщиной, полной тепла, цвета и жизни.

-- Я тебе нужен, -- сказал он и сжал кулаки, спрятанные в карманах брюк, -- Хотя бы для того, чтобы помочь тебе с багажом. Кто будет подавать тебе кофе? Делать массаж? Кто будет подбадривать тебя?

Бросив укладывать вещи, Валери забралась к нему на колени и обвила руками его шею.

-- Ты же знаешь, я вернусь еще до того, как ты начнешь скучать по мне.

-- Но я уже соскучился. К тому же ты им понравишься и останешься там.

Валери тряхнула головой, но Джек обнял ее еще крепче.

-- Да, ты им понравишься. Ты же столько репетировала. Они не могут не взять тебя.

Она поцеловала его губы, подбородок, веки закрытых глаз.

-- Ты милый, -- сказала она, -- но ради всего святого, повзрослей.

Они встретились в магазине музыкальных инструментов. Валери пыталась оценить достоинства дорожной электронной виолончели «Ямаха».

-- Весит меньше десяти фунтов, -- уверял её продавец, -- вместе с дорожным чехлом. И вы можете брать её куда угодно.

Он достал виолончель, установил её и подключил к электрической сети.

Электронная виолончель не имела деревянного корпуса. Всё, из чего она состояла, были гриф, головка, дуги, которые обхватывает бедрами музыкант, и ящичек для мелочей.

-- Смахивает на (...) богомола, -- пошутил Джек, забыв, что он, вроде как, не подслушивает. Это была его попытка навести мосты между классикой и роком, между виолончелисткой и барабанщиком, между инь и ян. Валери улыбнулась и, присев, ударила смычком по струнам, проиграв несколько тактов из Верди.

-- Замечательный волнующий тон, -- сказала она, -- мне он нравится. Хорошие верхние гармонии. Но эта вещь не для меня.

-- Может всё-таки купишь её, -- настаивал он, -- если тебе придётся ездить туда сюда на автобусе на репетиции, такой инструмент существенно облегчит твою жизнь.

-- Я так не думаю. Проще не всегда значит лучше. — Она подбросила свои ключи в воздух и ловко поймала их, **взмахнув при** этом своими волосами, завязанными в хвост, который торчал из бейсболки с надписью «Бах – мой кореш».

Джек закрыл глаза, представив, как оборачивает этот хвост вокруг своей руки, обращая ее лицо к себе, чтобы поцеловать. Очнувшись, он открыл глаза и увидел, что она улыбается, словно прочитала его мысли.

-- Некоторые вещи не так уж просты, -- подразнила она его, медленно **приблизившись** к нему так, что он мог чувствовать аромат ее духов.

-- Но они должны быть настоящими.

Джек пригласил ее на несколько ужинов, потом на концерт и, в итоге, в постель. В первый раз, когда они собирались заняться любовью, она вытянула руки вверх, замерев на секунду, чтобы погладить себя.

-- Пиццикато, -- прошептала она и **лизнула** поочередно каждый свой пальчик. Валери с жадностью высосала свой сок через **соломинку** прежде чем позволить ему попробовать себя...
?

Джек проснулся посреди ночи. Половина кровати, на которой спала Валери, была холодной, в ванной шумел душ. Должно быть ей не удавалось уснуть. На полу лежал открытый чехол виолончели. Очевидно она перекладывала вещи: вместо блузки лежал кашмировый шарф, синие шелковые трусики были намотаны на смычок. Ее счастливые трусики, так она всегда их называла. Она верила в удачу, в интуицию, судьбу, предчувствия. Она даже помыла машину в тот день, так, на всякий случай.

-- На какой случай? -- спросил Джек. Она усмехнулась в ответ.

-- А что если дирижер увидит меня выходящей из машины перед прослушиванием? Он, может быть, скажет: «Какая чистая машина! Хочу, чтобы эта девушка играла в моем оркестре!»

Потом ее улыбка исчезла, и она пожала плечами.

-- Я должна попробовать. Даже если шансы невелики.

-- У тебя получится, -- еще раз подбодрил ее Джек.

-- Может и нет. Может быть мы с Норалонг будем пилить до тех пор пока не допилим до абсолютного дна и не начнем давать уроки. Это был бы главный провал. Ее голос был ровным, но когда она повернулась, Джек увидел слезы в ее глазах.

Всё зависело от этого прослушивания. **По крайней мере он так считал.** Для нее больше не существовало других планов, других вариантов, каких-либо путей к отступлению. Он почувствовал тошноту, его желудок сжался и прилип к позвоночнику. Если ее примут, она переедет в Бостон. Конечно, он может поехать с ней. Хороший барабанщик всегда найдет себе работу. Но в Бостоне, в его более богатой атмосфере, она отдалится от него: классика против современности, Бах против рока. **Она серьезно вырастет благодаря своему мастерству.** Он словно видел это пророчество. Если она получит эту работу, она покинет его. И все из-за этой виолончели, из-за этой проклятой деревяшки, звучащей между ее ног! Она даже не была классическим инструментом или каким-нибудь антиквариатом. Эта виолончель из обычного каталога, потому что Валери не могла позволить себе большего. Ему вспомнилась их первая ночь, когда она безумно завела его **одним** прикосновением. Она ласкала его до тех пор, пока он не начал дрожать, играла с ним, пока он не достиг своего крещендо. После, когда он лежал на остывающей простыне, она ушла в гостиную. Он нашел ее там голую, играющую Вивальди при свете луны. А теперь у него нет выбора.

Вгляд Джека упал на клочок голубого кружева, и он высвободил трусики со смычка. Он прижимал их к своему лицу до тех пор, пока не почувствовал аромат, **наполняющий ткань.** Он **вновь** услышал шум включенного душа в ванной комнате и голос Валери, напевающий первые аккорды Sarabande до мажор. Он быстро вынул всю одежду

из чехла, достал виолончель. (.....?) Одно легкое нажатие и дерево треснет. Никто не узнает. Она достанет инструмент, чтобы согреть его (.....?), а когда заиграет, то услышит незначительный свист в легких виолончели и потеряет уверенность. Это отразится в ее глазах, как у Сары Кохен перед ее (?...) выступлением в Олимпиксе. Это непокидающее ощущение провала. Валери вернется домой после прослушивания безнадежно печальной, и он утешит ее. Он так сильно любит ее, он сможет помочь ей пережить эту неудачу.

В одной руке он по-прежнему держал трусики. Они были на ней в тот день, когда они познакомились, поэтому она называла их счастливыми.

-- Кто бы мог подумать, -- говорила она ему, -- что мы найдем друг друга среди такого огромного количества людей. Это неспроста!

Одно только движение, всего одна секунда, чтобы изменить его жизнь навсегда.

-- Ах! – Валери стояла на пороге ванной, завернутая в полотенце. Она замерла, поняв, что происходит. Он еще ничего не сделал, но в этот момент истины (...?..) он знал, что она обо всем догадалась, знал, что все кончено.

Есть очень удачные моменты, и в целом все хорошо, но есть и досадные оплошности, непонимание оригинала. Синтаксис в целом хороший.